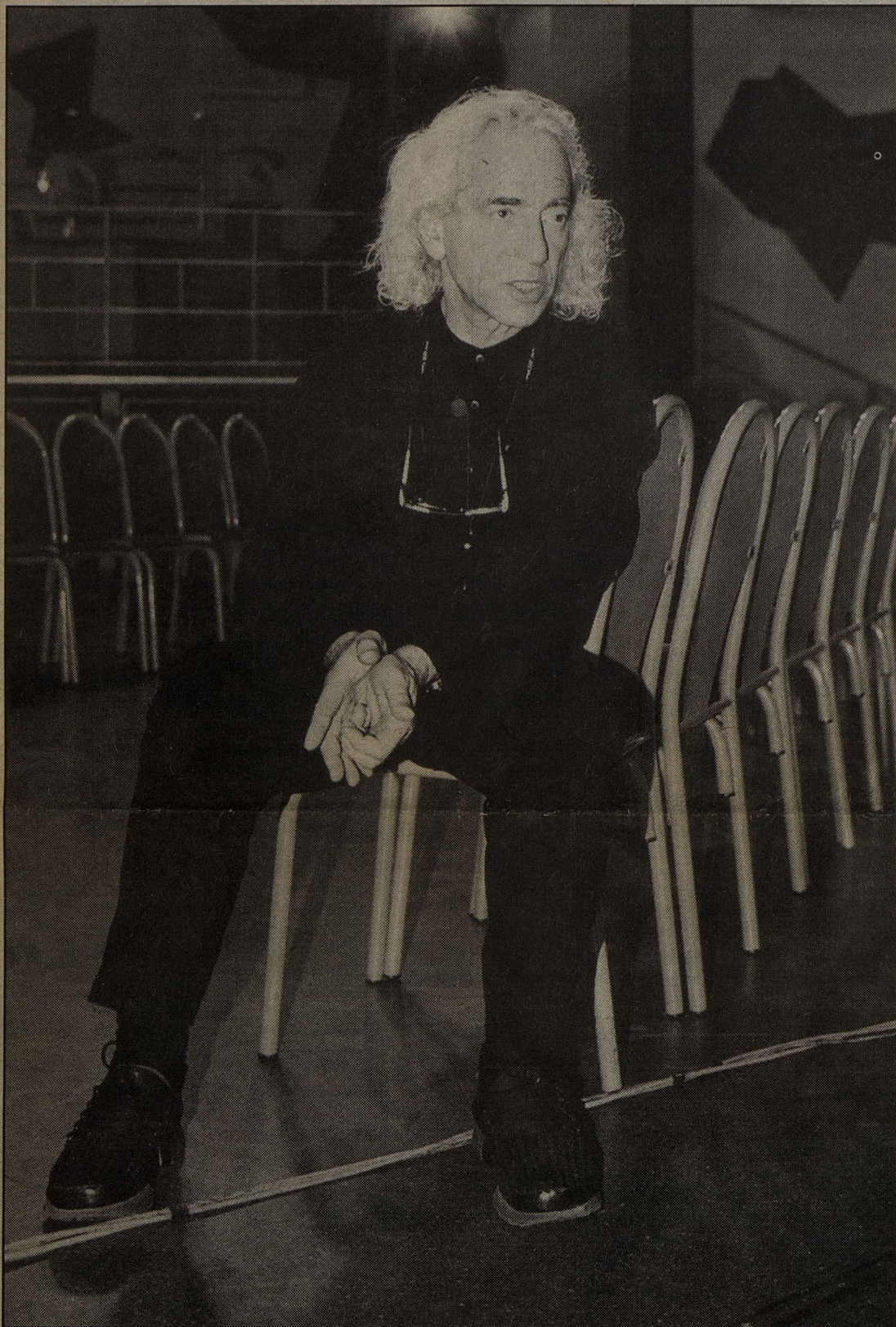

БиБиСева

Сложно сказать, раскручивает ли проект «Стань звездой» легендарного Севу Новгородцева, или, напротив, сам Сева делает это шоу столь привлекательным. Одно бесспорно – этот человек достоин звания легенды. В жизни он столь же обаятелен, сколь и на экране, хотя не считает себя таковым. У него третья по счету жена, а с первыми двумя он расстался просто потому, что с течением времени люди меняются. В Англии он чувствует себя как дома – когда-то приехал сюда, спасаясь от стукачества и подлости советской действительности, и не нашел рядом с собой ни одного стукача. Так и остался. Да и выглядит он совсем по-лондонски – седой, сдержанный, вдумчивый и отстраненно-тактичный. Сева Новгородцев излучает бездну обаяния – а английского или русского, не так и важно.

– Сева, неужели так легко было прижиться в Лондоне? Англичане считаются жуткими националистами...

– Ну почему легко... Знаете, на самом деле, в Англии главенствует так называемая «аристократическая традиция» – ни деньгами, ни образованием, ни, тем более, национальной принадлежностью хвастаться нельзя. Есть, конечно, футбольные фанаты или слегка распалцованные любители пива, простые ребята, настоящие британские патриоты, но в этих кругах мне, слава Богу, вращаться не пришлось. Повезло с работой: попал в сугубо английскую организацию (БиБиСи) на роль русского радиовещателя. Коллеги с кембриджскими дипломами сразу зауважали за чистоту произношения и владение таким невозможно трудным русским языком. Приживался в Лондоне так: автобус номер 15, из Кенсингтона (где мы с женой снимали комнату) на Стренд, к Буш-хаусу, ходил крайне нерегулярно. Водители, выходящие с Ямайки, любили общество друг друга и, говорят, забивали козла на конечной станции, а потом в спешке выезжали на маршрут друг за дружкой. То пять машин сразу, то ни одной минут сорок. (С этим проявлением коллективного свободолюбия даже сейчас, спустя больше двадцати лет, транспортному начальству справиться так и не удалось). На БиБиСи у меня был испытательный срок. Опаздывать и все время винить в этом коварный 15-й номер я не мог. Пришлось идти на местную барахолку и покупать подержанный велосипед. Соответственно и жилье искать на «велосипедном» расстоянии от работы. Дом в Камдене, районе тогда еще совсем не фешенебельном, мне присоветовала одна знакомая полячка. Он был «с потенциалом». Это означает, что дом по карману, но надо менять крышу, электропроводку, половину полов, ставить отопление, отдирайте обои в 10 слоев (с 1850 года), заново штукатурить все стены и т.д. Кроме того, в доме был sitting tenant («защищенный» жилец), мистер Питт. Он поселился там еще в 1926 году, был защищен лейбористским законодательством и платил по довоенным ставкам, всего фунт в неделю. Занимал он три комнаты из восьми, ежедневно после работы уходил в пивную, насвистывая песенку, и неизменно с издевкой говорил мне, измазанному всякой строительной дрянью: «Enjoying yourself?» («Радуетесь жизни?»). Мистер Питт был активистом

профсоюза машиностроителей и членом британской Компартии. Меня, отъезжанца из рая для рабочих, он, естественно, воспринимал как классового врага. Так и шла моя новая английская жизнь: с утра на велике на работу (40 минут), оттуда – в Камден на стройку, а к часу ночи – домой в Кенсингтон. Работал я один, зимой, денег не было совсем, и на перестройку комнаты и кухни, куда можно было перебраться, ушло полгода. От стресса и грязи у меня началась крапивница, но первая стадия операции «Дом» была выполнена успешно.

– За такое время в Вас должно было появиться что-нибудь чисто английское...

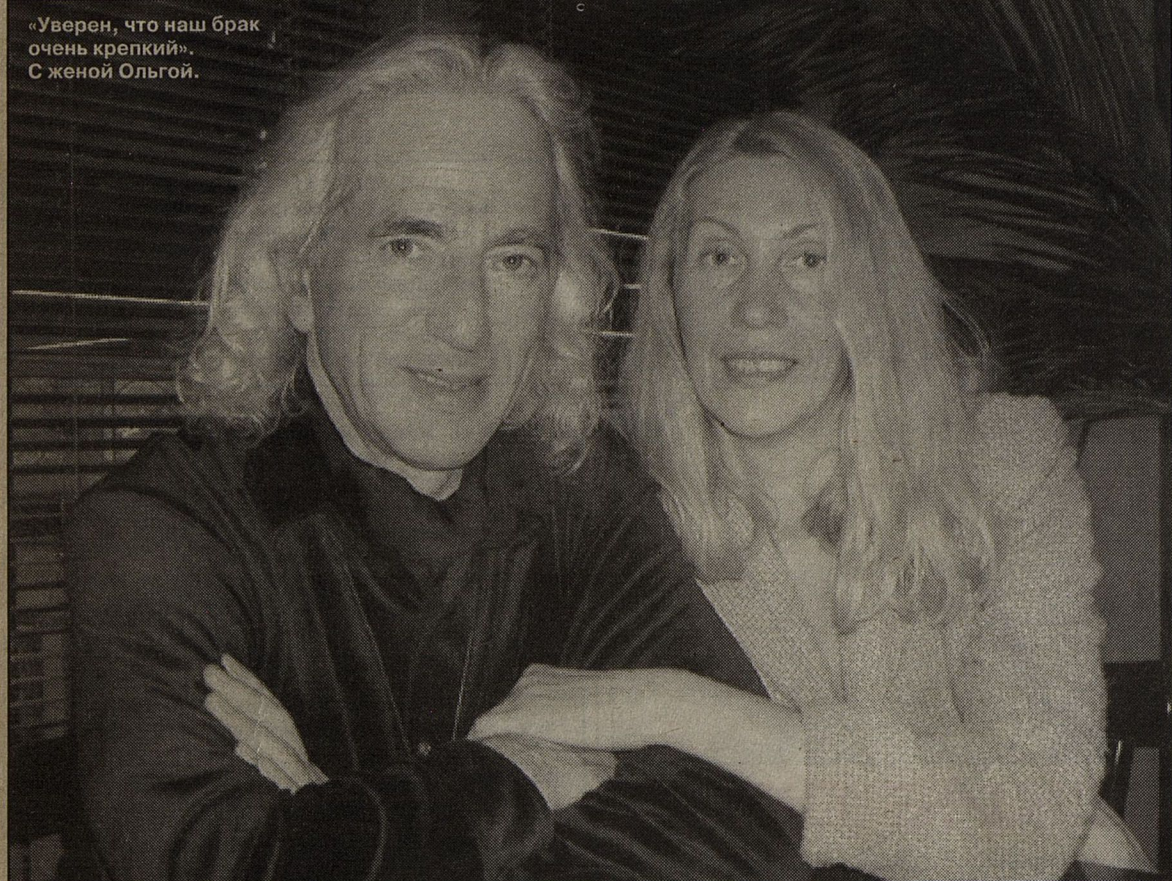
– О, на эту тему расскажу эпизод того же периода, сильно на меня повлиявший. По крайней мере, именно он породил во мне осязаемое стремление позаимствовать у этой нации как минимум одну черту. Поздно, далеко за полночь, я жег в развороченном камине старые обои. Работа приятная, получался этаким пионерский костер – пламя с веселым ревом и искрами улетало в трубу. Вдруг снизу постучали. Кому это не спится? И вообще – что надо? Я спустился, открыл дверь. На мостовой и тротуаре, в ночных халатах и чепчиках стояла толпа человек в тридцать, и все они молча показывали пальцем куда-то вверх. Сначала я не мог ничего понять, но, взглянув на крышу, увидел огненный столб, вырывающийся в небо из моей трубы, как из вагранки сталевара. «Вы подожгли свой камин», – пояснили мне вежливо соседи. Оказалось, что сажая, копившаяся в каминной трубе последние полвека, сама запылила от моего пионерского костра. Желтый сернистый дым заволок всю округу. Потом я узнал, что особым законом о чистоте воздуха в 1964 году топить камин дымным топливом было запрещено (тогда же исчез знаменитый лондонский «смог»), но в ту памятную ночь ни один англичанин не стал мне читать лекции по этому поводу. Вот этой сдержанной терпимости я и пытался научить себя на протяжении последующих лет.

– Сегодня вы уже можете сказать, что приятнее в этой жизни – быть молодым и пробивающимся или взрослым и многого достигшим?

– Всякому фрукту свое время. Молодым и пробивающимся быть не в пример веселее, а взрослым и достигшим – спокойнее и приятнее.

«С этого начинается каждая звезда».

«Уверен, что наш брак
очень крепкий».
С женой Ольгой.

– Вы смотрите на нас со стороны. И не только вокальные данные оцениваете. Чем, к примеру, наша молодежь отличается от английской?

– Тем же, чем столичная девушка отличается от провинциальной. Почему группа из Казахстана или из Монголии не может пробиться в Москву? Потому что человеческие ценности у них находятся на более неотесанном уровне. Англичане легки, раскованы, уверены в себе. Образование в Англии нацелено не на знания, а на формирование личности. Они себя чувствуют комфортно в любой ситуации, они идут победителями по жизни. Когда англичанин входит в комнату, уже видно, что это победитель: человек не куксится, за ним чувствуются годы жесткой подготовки. Английская школа очень конкурентна, они там друг друга вообще побаиваются, честно говоря. Не в том смысле, что прячутся под пальто. Она попадает в социальную обстановку, не позволяют себе промахов – имя запоминают с первого раза, аккуратны в манерах... А по-другому там и нельзя – спишет сразу. Поэтому все держится в таком постоянном тоне – когда ты немножко боишься, как бы не сделать промаха, и из-за этого его не делаешь.

– Вас, наверное, по жизни вырывает не столько тонус, сколько обаяние...?

– В советские времена – точно. Обаяние сильно выручило на экзаменах по марксизму-ленинизму в Высшей Мореходке. Я отвечал довольно бойко, в теории был подкован, но газет не читал никогда, очень было противно. И тут в аудиторию входит какой-то дядька из райкома партии, слушает меня и говорит профессору – хорошо бы курсанта по текущей политике поспрашивать. А сам в бумажки уставился. Я, лучезарно улыбаясь, глядя профессору в глаза, несколько раз сильно пошевелил ушами (еще в школе, на уроках научился). Типа, «я – ни ухом, ни рылом». Он даже глазом не моргнул. «Давайте, – говорит, – кого-нибудь другого поспрашиваем, этот курсант уже и так давно у доски стоит!» А мне в зачетку «отлично» поставил. Типичная советская ситуация, мы друг друга поняли: я его не подвел, а он – меня.

– Бывали реальные столкновения с советским режимом?

– Столкновения с режимом были только по работе, как, наверное, у большинства. В конце 60-х я играл на тенор-саксофоне в ленинградском джаз-оркестре И.В. Вайнштейна. Коллектив был культовый, его знали по всей стране, но мы играли на тан-

цах в ДК им. Горького у Нарвских Ворот. Иосиф Владимирович был гигантом театральной интриги, он пробил разрешение перейти на концертную работу. Для этого надо было сдать худсовет в Ленконцерте. Директором Ленконцерта был Георгий Михайлович Коркин, бывший директор Кировского театра, сгоревший на побеге Рудольфа Нуриева. Обжегшись на классическом молоке, он теперь дул на эстрадную воду. Выпускать откровенно американскую музыку на советскую сцену было опасно, но и разогнать нас он не мог – Вайнштейн заручился поддержкой целой плеяды влиятельных людей в Союзе Композиторов. Началась позиционная война, перетягивание каната. Паны дрались, а у нас трещали чубы. Почти год просидели мы на репетиционном периоде, ежедневно играя уже назубок выученные произведения по десятку раз. Появлялась мрачная группа молчаливых людей, садилась в зале, не снимая кепок, слушала и так же молча уходила. Вайнштейн придумывал ходы. В одной из композиций Чарльза Мингуса был оркестровый проигрыш медных, слегка напоминавший мелодию «Ах, вы сени мои сени». «Георгий Михайлович! – сказал Иосиф Владимирович на очередном худсовете, – послушайте вариацию на тему русской народной песни!» Понеслась джазовая свистопляска. Когда отзвучал последний надрывный аккорд, Вайнштейн с деланным оптимизмом обратился к темному залу: «Ну как, вы узнали? Это же «Сени мои, сени!» – «Какие еще, на хер, сени?!» – заорал из зала Коркин и шмякнул изо всех сил кепкой об пол. Так закончился еще один худсовет. После смерти Коркина его друзья по секрету говорили в коридорах Ленконцерта: «А вы знаете, что в личной жизни Георгий Михайлович был ужасный антисоветчик!»

– Среди уже состоявшихся, популярных у молодежи групп вам какие интересны?

– Прежде всего, меня интересует поэтическая составляющая. Например, есть такая новая группа «Сегодня ночью». Признаюсь, один из ее участников доводится мне дальним родственником: Николай Елисеев – автор всех песен и жених моей приемной дочери Ольги. Мы встречались с ним в Лондоне. Но безотосительно родственных связей, я могу сказать, что у него пронзительные стихи. Я вообще люблю группы, где поэтическое видение предстает неожиданным образом. «Сплин» очень люблю из-за этого. Моя любимая певица – Умка. Ну из старого, конечно. Макаревич со своими замечательными стихами, Гребенщиков со сво-

ими лучшими песнями – такими, которые когда в первый раз услышишь, мелкие волоски на спине встают дыбом... А всякая заштампованность мне противна, потому что это искажает сам смысл музыки. Музыка, как всякое искусство – это путь вверх. В те сферы, куда простым разумом не достучишься. Это путь в нечто, что не прорисуеться логикой. В какие-то высшие сферы.

– А поп-музыка в какие сферы зовет?

– Поп-музыка все равно нужна. Не все занимаются интеллектуальным трудом – некоторые роют траншеи или рубят лес. И тоже имеют право на свою музыкальную культуру.

– На «Руки вверх» и «Ласковый май»? Шатунов снова отправился по стране с гастролями.

– Слово «популярность» нельзя воспринимать в какой-то своей тотальности. На Западе тоже есть разные прослойки. Вообще общество можно представить в виде разрезанного торта «Наполеон» – есть где-то 2-3% тонкой интеллигенции, потом идет научно-технический персонал ну и, конечно, большой срез – это люди простые. Но у них денег нет – они не так влияют на рынок. Поэтому популярность того или иного надо рассматривать только относительно того слоя, которому это нравится. Изменится жизнь – будет и музыка другая. Вспомните Америку середины 50-х: когда после войны встала экономика, все наелись, выстроили дома, все ходили чистые и умытые, и – поняли, что им нужна другая музыка. И вдруг, как по мановению волшебной палочки, при каждом американском университете завелись симфонические оркестры, все стали пикировать, приглашать дирижеров из Европы... Прошло 20 лет, и появилось свое американское синтетическое симфоническое искусство, и страна поднялась. Но сначала нужно было нижнюю чашу наполнить, нужно было накормить и умыться людей.

– А в Англии сейчас что наиболее популярно? Может, имеет смысл нам равняться на них?

– Вы знаете, был период, когда была очень сильна рок-музыка. В 60-е годы – Джими Хендрикс, чуть позже Led Zeppelin, Deep Purple – это были стилиобразующие группы, которые меняли отношение к жизни, ломали сознание поколения. Сейчас их слушают те, кто слушал меня – люди уже зрелого возраста.

– Почему?

– Потому что та музыка отталкивалась от искусства доморощенного негритянского глубинного блюза. Сейчас рок-музыка на Западе уже в гомеопатической консистенции все

воспринимают – это уже третье разведение одного и того же. И если мы возьмем за основу западное эстрадное искусство, то мы еще больше разведем то, что было в первоисточнике. Поэтому особенно следовать западным стандартам, с одной стороны, ни к чему, а с другой стороны, технологию перенимать, естественно, приходится у них. Последние 25 лет дали срез русского рока, который ни с чем не спутаешь, выработалась своя поэтическая школа, выработался даже свой музыкальный язык. То, что он на Западе не популярен – это нас совершенно не должно беспокоить, американцы все создают для своего рынка и только за счет сильного маркетинга это проникает во весь мир. Поэтому, создавая звезд, мы должны ориентироваться только на себя. Вы же понимаете, что люди во всем мире реагируют не на качество нот, не на чистоту голосов, не на громкость, не на звонкость, а на некую человеческую индивидуальность, на подтекст.

– У Вас есть любимые группы?

– Я, в принципе, люблю все, что пробилось вверх. Любовь эта приходит не сразу, потому что любой нормальный человек новую музыку отторгает. Приведите в стадо коров новичка, остальные коровы будут лгать ее дня три, пока не привыкнут. Так и человек – всякой новой музыке хочет сказать: «Уйди! Не хочу тебя слушать!» Потом постепенно она в него проникает. Это не только у меня. Это у всех музыкальных критиков, у журналистов. Поэтому новую музыку по профессии слушать тяжело, а плохую – вдвойне. И все, что пробилось вверх, в принципе, я принимаю – от Эминема до Бритни Спирс. Я слежу за лозунгом Толи Васина из Ленинграда, который в подпитии сказал: «А вот так слушаешь, ведь, и нет плохой музыки!»

– А можно о личном? Жена Ольга вас сопровождает во всех поездках?

– Мы молодожены. Поженились всего четыре года назад. У меня это

третий брак, и у нее тоже. Мы ездим вместе потому, что просто совершенно не хотим расставаться. Сразу начинаем скучать.

– Ольга тоже ищет новых звезд?

– Она – художник, обожает свою работу. Но ради того, чтобы поехать со мной, даже бросила работу в Лондоне. И теперь, как только ей в голову приходят какие-то идеи, она тут же припиливает их к бумаге, чтобы потом воплотить в жизнь. Эта удивительная женщина помогла мне почувствовать жизнь заново. Я и сам сейчас полон идей и какого-то жизненного азарта. Уверен, что наш брак очень крепкий.

– Откуда такая уверенность?

– От Бога. Встретились мы на какой-то выставке по стечению целого ряда обстоятельств. Было понятно, что не встретиться мы никак не могли. Есть некие высшие силы, которые руководят нами и подводят к жизненным поворотам.

– А что разочаровало в преддверии браков?

– Просто со временем люди меняются. Проходит время, и перед тобой совсем чужой человек. Интересы и чувства расходятся в разные стороны. Вторая жена была англичанкой, стала заниматься мистикой, общаться с потусторонним миром, изменилась до неузнаваемости, пришлось расстаться.

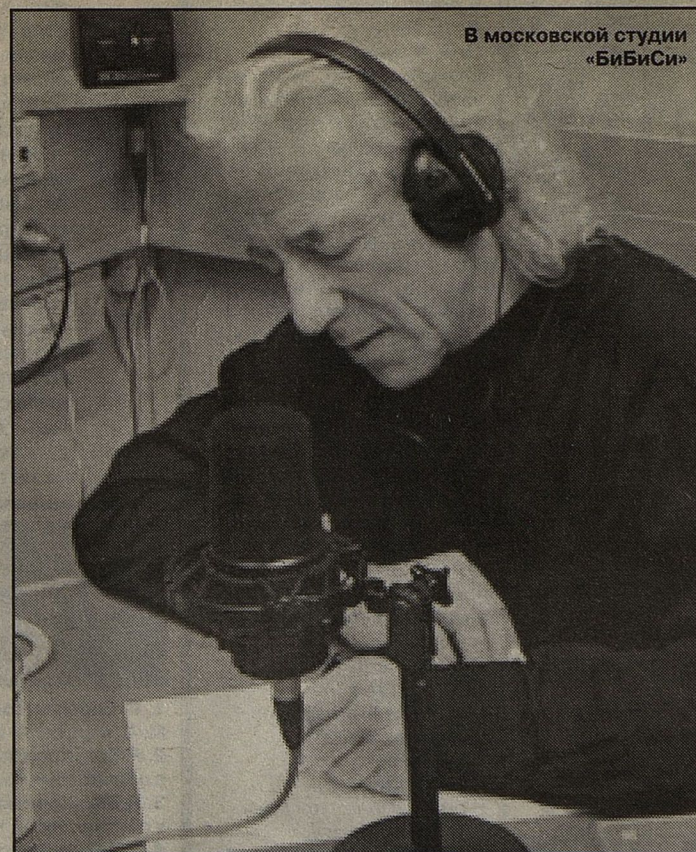
– Ваши приоритеты по жизни?

– В начале века у Зигмунда Фрейда спросили: «Что такое счастье?» Он ответил: «Любовь и работа». Под таким психоанализом могу подписаться обоими руками.

– Считаете ли Вы себя знаковой личностью?

– Только после зарядки и холодного душа. Если серьезно, то мне себя считать кем-либо просто времени нет. Кроме того, надо помнить – нельзя верить собственной рекламе. Что бы о тебе ни говорили, есть дело, которое надо делать по возможности хорошо.

Беседовала
Яна РОМАНОВА

В московской студии
«БиБиСи»

ИЗ ДОСЬЕ «ВК»

СЕВА НОВГОРОДЦЕВ родился в Ленинграде в 1940 году. В 1957 не поступил в московские театральные институты (им. Щукина и Щепкина) и по совету отца-моряка в то же лето очутился в Ленинградском Высшем Инженерном Морском Училище на судоводительском факультете. После учебы служил в Эстонском Пароходстве 3-м помощником капитана. В 1964-м, во время длительного отпуска в Ленинграде, получил предложение работать в Ленконцерте. В 1965-м попал в джаз-оркестр Иосифа Вайнштейна, о котором много лет мечтал. В этом составе – лауреат 1-го Ленинградского Джазового фестиваля, участвовал в записи первой пластинки, ездил с гастрольями по Союзу. Тогда же руководил первыми ленинградскими поп-музыкантами – ВИА «Добры молодцы». 18 ноября 1975 года покинул Россию, через пару лет оказался в Лондоне, и вскоре на многие годы стал радиоведущим русской службы «Би-би-си». ■